

СОВРЕМЕННОСТЬ.

ГАЛУБЬ.

I.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничей потѣхи
Такъ рано съѣхались Адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ неожиданой встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи разваливъ Ташартуба.—
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальной;
Звучить уныло пѣснь Мулмы;
Въ арбу впряженные волы
Стоять предъ саклею печальной;

Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И, внемля шумъ небоевой,
Мянутся спутанные кони;
Всѣ ждуть.— Изъ сакли наконецъ
Выходить между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ.— Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинской:
Неразряженую пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской,
И шапки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать.
Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смирная молча пылъ коней.—
Ужъ потухалъ закатъ огнистой
Злата нагорныя скалы,
Когда долины каменистой

Достигли тихіе волю.
Въ долину той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой,
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...
Ужъ трупъ землею взять. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы лвились вдругъ
Старикъ сѣдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу—
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ
Какъ ты, въ ауль чужой пришедь,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
Сего дня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ! покорень будь судьбѣ!
Другова я привелъ тебѣ—
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь — —
Труды мои ты самъ оцѣнишь,
Хвалиться ими не хочу.»

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ
Главу потупя молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать
И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнить,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидѣ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранить.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ;
Такъ въ сакль пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.

Онъ любить— по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурьъ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольняго куда
Младые сны его уводятъ? . . .
Какъ знать? Незрима глубь сердець!
Въ мечтапьяхъ отрокъ своеволенъ
Какъ вѣтеръ въ небѣ. . . .

Но отецъ

Уже Тазитомъ недоволенъ.
«Гдѣ-жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дни въ аулъ нѣтъ его,

На третій онъ домой приходитъ.

О т е ц ъ.

Гдѣ былъ ты? сынъ!

С ы н ъ.

Въ ущельи скалъ

Гдѣ прорванъ каменистый берегъ

И путь открытъ на Даріаль.

О т е ц ъ.

Что дѣлалъ тамъ?

С ы н ъ.

Я слушалъ Терекъ.

О т е ц ъ.

А не видалъ-ли ты Грузинъ,

Иль Русскихъ?

С ы н ъ.

Видѣлъ я, съ товаромъ

Тифлискій ѣхалъ Армянинъ.

О т е ц ъ.

Онъ былъ со стражей?

С ы н ъ.

Нѣтъ, одинъ.

О т е ц ь .

За чѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его
И не прыгнулъ къ нему съ утеса? —

Потушилъ очи сынъ Черкеса
Не отвѣчая ничего. —

Тазить опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

О т е ц ь .

Гдѣ былъ?

С ы н ь .

За бѣлою горой.

О т е ц ь .

Кого ты встрѣтилъ на курганѣ?

С ы н ь .

Отъ насъ бѣжавшаго раба.

О т е ц ь .

О милосердая судьба!

Гдѣ-жъ онъ? ужели на арканѣ

Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.

Галубъ нахмурился въ молчаньи,

Но скрылъ свое негодованье.

«Нѣтъ» мыслить онъ, «не замѣнить

Онъ никогда друга брата!

Не научился мой Тазитъ

Какъ шашкой добываютъ злата;

Ни стадъ моихъ, ни табуновъ

Не надѣлать его развѣзды;

Онъ только знаетъ безъ трудовъ

Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,

А не въ набѣгахъ отбивать

Коней съ Нагайскими быками,

И съ боя взятыми рабами

Суда въ Анапъ нагружать.»

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ

Два дня, двѣ ночи пропадаетъ

На третій, блѣденъ какъ мертвецъ

Приходитъ онъ домой. — Отецъ

Его увидя вопрошаетъ:

Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ

Кубани, близъ лѣсныхъ границъ

О Т Е Ц Ъ .

Кого ты видѣлъ?

С ы н ъ .

Супостата.

О Т Е Ц Ъ .

Кого? кого?

С ы н ъ .

Убійцу брата.

О Т Е Ц Ъ .

Убійцу сына моего?...

Тазитъ! гдѣ голова его?

Дай нагляжусь!

С ы н ъ .

Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...

О Т Е Ц Ъ .

Ты долга крови не забылъ...

Врага ты навзничъ опрокинулъ...

Не правда-ли? ты шапку вынулъ,

Ты въ горло сталь ему воткнулъ

И трижды тихо повернулъ?

Упился ты его стонаньемъ

Его змѣинымъ издыханьемъ? ...

Гдѣ-жъ голова? подай... нѣтъ силъ...

Но сынъ молчить потупя очи.

И сталъ Галубъ чернѣе ночи

И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,

Ты не Чеченецъ — ты старуха,

Ты трусь, ты рабъ, ты Армянинъ —

Будь проклятъ мной — поди — чтобъ слуха

Никто о робкомъ не имѣлъ,

Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,

Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи

Окровавленной кошкой сълъ

И къ безднѣ гналъ тебя нещадно,

Чтобъ ты какъ раненый олень

Бѣжалъ тоскуя безотрадно,

Чтобъ дѣти Русскихъ деревень

Тебя веревкою поймали,

И какъ волченка затерзали —

Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!

Не оскверняй моихъ очей!»

— Сказалъ и на земь легъ — и очи

Закрывъ, и такъ лежалъ до ночи.

Когда-же приподнялся онъ,

Былъ темень синій небосклонъ. —

II

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинь шумно собрались —
Привычны игры начались:
Верьхами юные Чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробивають,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкають,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. — Жены, дѣвы
Межь тѣмъ покоуть — и гуль лѣсной
Далече вторить ихъ напѣвы.
Но между дѣвами; одна
Молчить уныла и блѣдна
..... Въ толпѣ стоять четою странной,
Стоять не видя ничего.
И горе имъ: онъ — сынъ изгнанной,
Она — любовница его....
О было время!... съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ,
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потушенныхъ очахъ.
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу

Съ подружкой рѣзвой говоря ,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгоралась какъ заря, —
Или у водъ когда стояла
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ
И долго кованый кувшинъ
Волною звонкой наполняла....
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводить
И говорить: «твоя мнѣ дочь
Давно мила, по ней тоскуя,
Одинъ и сирь давно живу я.
Благослови любовь мою
Я бѣденъ — но могучь и молодъ,
Я агнецъ дома, звѣрь въ бою;
Къ намъ въ саклю не впущу я голодь.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный
Твоимъ сынамъ — кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ. . . .»

А. Пушкинъ.

